УДК 130.02

ПЕРСПЕКТИВА НЕОМОДЕРНА. ФИЛОСОФИЯ НОВОЙ ЭПОХИ

Павлов Александр Валентинович,
Тюменский государственный университет,
кафедра философии,
доктор философских наук, профессор,
г. Тюмень, Россия.
E-mail: av-pavlov@mail.ru

Аннотация
Исходя из постулата чрезмерной сложности мира, рассматриваются способы его упрощения и упорядочивания: философия, наука и искусственный интеллект. Делается вывод об историческом выборе человечества между концом и переходом к неомодерну. Отмечаются некоторые вероятные принципы общественной организации в эпоху неомодерна.

Ключевые понятия:
сложность мира,
упрощение,
философия,
наука,
искусственный интеллект,
эффективный менеджмент,
неомодерн.

Нравится нам это или нет, но мы действительно вступаем в новую эпоху. Теперь настораживает уже не конец Советской цивилизации и переход к постсоветской, а фактически конец Модерна вместе с постмодерном и переход к цивилизации неизвестного грядущего. В межвременье соскальзывает весь западный мир. Можно ли что-нибудь предвидеть относительно будущего и определить наиболее оптимальный тренд развития, учитывая, что за спиною у человечества уже есть опыт по меньшей в десятки тысяч лет, а это – немалая прогнозная база?

1. Сложность мира

Новая эпоха стала следствием чрезмерной сложности мира. Время от времени наступают такие времена, когда чрезмерная сложность мира бросается в глаза. Чаще всего эти наблюдения связаны с ограниченностью каждого человека: с узкой специализацией, ограниченным числом людей, занятых в познании и практике, с неуклонным ростом числа ситуаций, в которые попадают наши современники. Им противостоит в сущности безграничный мир, безграничный и в пространстве, и во времени, и вглубь, и по числу своих свойств. Как бы велико ни было население Земли, людей все равно не хватит для полноты миропознания, а узкая специализация каждого означает, что он знает только кое-что о не многом, ничего не зная обо всем.

В целом такое положение вещей вполне удовлетворительно, когда и мир, и человечество стабильны, если понимать под стабильностью неизменность базовых норм цивилизации, на которые опирается культура. Но в периоды, подобные нынешнему, в эпоху совпадения геоклиматических изменений и межцивилизационной геополитической трансформации[1], в эпоху скачкообразного роста численности населения и связанного с этим роста антропогенной нагрузки на планету, в эпоху утраты гендерной идентичности и т.п. кризисных явлений, касающихся всего человечества, сложность мира и неуверенность нашего положения в нем бросается в глаза. Эта сложность становится основой того, что принято называть «вызовами», которые катастрофически нарастают и умножаются. Мир в этом случае выглядит как древнегреческий хаос, зияние, лишенность всякой формы, неопределенность, где возможен любой порядок, но в действительности нет никакого, и поэтому возможно всё, а обусловлен хаос сущностным невежеством людей.

[1] См. мою статью: «Межцивилизационная эпоха. Поколение выбора» // Социум и власть. 2016. № 3. С. 17–24.

Если возможно все, то что тогда является действительным? Бороться с такой сложностью, значит – навести порядок, выбрав из возможностей наиболее для себя предпочтительную. То есть, навести порядок в своем восприятии мира, поставив его на основу небольшого числа принципов, и упорно им следовать, наперекор всему. «Я – за Мао», «Я – за Линь-Бяо», «Я – сторонник русского мира», «Я – интернационалист», «Я – категорический противник нынешнего стиля в реформе образования», «Я – ее сторонник», «Я – категорически не хочу быть эффективным менеджером и считаю эту профессию психиатрическим диагнозом», «Я – стремлюсь быть эффективным менеджером», «Я – не беру взяток», «Я – коррупционер», «Я – просто честный человек» и т.д. Выбирая принципы, а также непреклонно следуя им, человек становится обязательным и предсказуемым, от него известно, чего ожидать, и только в этом случае он реально существует и несет ответственность за свой выбор и свои поступки. И его жизненный мир перегруппировывается вокруг принципов, реорганизуется и становится устойчивым и предсказуемым.

Затем надо начать практически действовать в соответствии с этим восприятием, и тогда «Я» становится субъектом своих поступков и жизни, и вслед за его жизненным миром, в зависимости от силы его субъективности, начинает, пусть в малой степени, перестраиваться и большой мир культуры. Тогда в хаосе обнаруживаются формы, а между ними устанавливаются устойчивые корреляции, это и означает порядок. А того, кто не может стать принципиальным, хаос поглощает, для них наступает буддистская нирвана, такой же хаос и небытие в голове, какой царит и снаружи, «блаженное небытие», хотя вопрос о блаженстве здесь сомнителен.

Это правило, вероятно, не действует для Космоса, но вполне реализуемо для культуры, а мы, прежде всего, в ней и живем как разумные и сознательные существа.

2. Прошлые виды порядков

Такая идея появилась очень давно, когда люди впервые увидели мир, как целое, чья сложность превышает их познавательные возможности, и поняли, что нужно упрощение. Первое упрощение произошло еще до античности и связано с рождением мифологии.

В сущности, *мифология* представляет выбор между одним из двух: либо реально существующие «силы стихии» управляют жизнью людей и реальный объективный порядок направляет их, либо люди, подчиняя свою жизнь некогда сложившейся традиции упрямо видят эти «силы» там, где их нет, и воспроизводят свою традицию, вызывая их к жизни.

Мифология в условиях малочисленности и разбросанности человечества прекрасно справлялась со своей задачей упрощения. Но численно умножившись, люди пришли к необходимости вступать в контакты друг с другом и этим спровоцировали «войны» между «своими» и «чужими» богами, обернувшиеся войнами между людьми «за наш порядок». Началась эпоха политеизма, а в мире «стихий» обнаружился тот же хаос, что и везде. Думается, это был первый кризис порядка, в котором одна часть человечества продолжила упорные поиски новой упорядоченности и новой принципиальной базы, а другая ушла в «блаженную нирвану».

Другая часть не перестала существовать, ибо «любовь и война правят миром» (Гераклит), а люди любят процесс любви. Но развитие в ней остановилось, и каждое новое поколение сдувалось с поверхности земли общим хаосом, как пыль ветром. У них не появилось истории, ее место заняло простое экстенсивное расширение, обусловленное демографией, при принципиально том же уровне развития, какой им достался в наследство. Они, конечно, оставались людьми, какая-то наблюдательность, воспитанная войной, у них была, они делали свои изобретения спонтанным и опытным путем, однако это были простые наблюдения и изобретения, обусловленные бытовыми проблемами и опирающиеся на непосредственное восприятие вещей. Они не приводили к рождению коллективных теоретических обобщений и к порядку на этой теоретической основе.

Среди многих свойств теории имеется и такое, какое делает ее концентратом опыта, пригодным для трансляции по каналам коммуникаций[2]. Сложность хаоса с его бесчисленными возможностями влечет за собою и сложность опыта. Сложность опыта препятствует обмену простыми знаниями из-за неизбежной субъективной множественности их интерпретаций. Порядок остается личным делом первых изобретателей, не превращающимся в коллективное дело. Коллективный же порядок становится занятием первых элит, подчиненных вождю, и наводится принудительно. Отсюда много-

[2] См. мою работу «Методологические проблемы современного гуманитарного познания». М.: «Флинта», 2013.

численные войны и восстания в таких регионах, и пульсирующий характер истории: быстрая смена прогресса и регресса, своя в каждом их локусе. А общий фон – отсутствие развития и истории как процесса.

Они существуют как большие и малые озера, или даже мелкие моря, параллельно с мировым океаном.

Та же часть человечества, которая создала этот океан, перешла *к порядку на основе теории,* позволяющей транслировать опыт от одного субъекта другому и добиваться единства интерпретации. Вместе с этим возник и алгоритм познания, интерпретации и коммуникации.

Это произошло в античности, и первым алгоритмом, отличающимся от мифологической спонтанности, стала греческая *философская теория,* особенно, когда она синтезировалась в средние века с иудаизмом и превратилась в рациональное христианство. Я говорю не о христианском чувстве, вере, надежде, я говорю о теологии, вероучении, полторы тысячи лет объясняющем западному человечеству, каким принципам следует подчинять свою жизнь, каков должен быть коллективный порядок, и вбивавшем эти принципы в головы западных горожан и крестьян – будущих европейцев, поначалу в сущности таких же, как китайцы, индийцы и африканцы, также погрязшие в своих стихиях, каждый в своей. Но у них уже существовало важнейшее отличие – интуитивная идея коллективного и гуманистического порядка, заложенная христианством и идея того, что основы правильного порядка невооруженным глазом не видны, их постижение требует другого стиля мышления и другой логики, зарождающейся в греческой философии.

Эта идея сначала через коллективные соборы, потом через университеты и их продолжающиеся философские поиски привела в XVII веке к рождению второго *типа упрощения, уже не философской, а научной теории,* черпающей свои знания и осуществляющей рациональные интерпретации из эмпирии. Эмпирия фактически заключала в себе концентрат многовековой принципиальной базы, предписывающей и познание, и изобретения под строго определенным углом, позволяющем наблюдать вполне определенные вещи и не замечать другие. Человечество с ее помощью определяло свое место и свое видение среди всех существ мира.

В самом деле, как бы выглядел для нас эмпирический мир, будь мы не людьми, а разумными собаками, микробами или слонами? Вряд ли так же, у собак очень плохое зрение, небо для них представляется низким потолком, на котором прикручены большие плошки звезд. Но у них слух и зрение на много превышающие человеческие, они у собак стоят на первом месте в органах восприятия, а не глаза, как у людей. И живут собаки в первую очередь в мире звуков и запахов, мало обращая внимания на зрительные образы, создай они науку, у них раньше всех появилась бы не классическая механика, а акустика и одорология, ими бы определялся их способ и стиль научного познания и дальнейший общественный прогресс.

В Новое время коллективный порядок задавался научной теорией и ее просветительским распространением. Отсюда разногласия между философией и наукой – это *идеологическое* разногласие, не нуждающееся в доказательствах и аргументах, что одно – плохо, а другое – хорошо, одно нужно, а другое – нет. Философия была встроена в вертикаль антично-средневековой аристократии, отсюда ее высокомерное отношение к потребительству, утилитаризму и меркантильности, наука же опиралась на торгово-промышленные круги и выражала их взгляды, она создана и предназначена именно для расчета, обоснования, а главным образом, для разработки способов практических изобретений в области видимого мира. Противостояние науки и философии в эпоху Модерна, это борьба двух идеологий, одна из которых связана с мировосприятием буржуазии, а другая – аристократии и бюрократии. Они совпадают только в одном: *обе представляют собою упрощенные картины мира, полученные путем коллективных теоретических обобщений.* Только философия обобщает субъективный опыт и волю, она в истоках интуитивна, а наука – обобщает объективные знания, являющиеся по сути тем же субъективным опытом на основе природы, представляемой людьми в рациональных картинах.

Со второй половины XX века классические торгово-промышленные круги отходят на второй план, а на первый план выходит сфера развлечений, финансовый капитал, мало связанный с производством и политический капитал, если под ним понимать не репутацию или доверие к политику, а его власть, дающую ему возможность обогащения, попросту, коррупцию. Зарождается и расцветает общество потребления, в котором мы сейчас живем.

3. Искусственный интеллект общества потребления

Зародилось общество потребления на Западе, но расцвет его приходится, думаю, в первую очередь, на Россию, в которой по известным причинам прошлого деньги

и вещи обеспечивают социальный статус несравненно больше, чем моральные и интеллектуальные ценности. В отличие от аристократов и бизнесменов потребителями являются все. Общество потребления – это квазиобщество, цементируемое только многочисленными манипуляциями массовым сознанием и силой. В нем расцветают характерные для второго этапа межцивилизационной эпохи симулякры: квазидемократия (гибрид охлократии с диктатурой), квазичеловеческие права (система электорального принуждения), квазинаука (покупка и продажа диссертаций, путаница и мошенничество в науке – красная ртуть, биоэнергетика и т.д.), квазиобразование (тесты, нынешнее ЕГЭ, игровые методы преподавания, дистанционное образование, онлайн и МООК-лекции, в целом выпячивание функции социализации, т.е., чтобы по улицам не болтались в ущерб научению и исследованию и т.д.). В квазиобществе из-за его фактической раздробленности на отдельных эгоцентричных индивидов весьма облегчены манипуляции и мошенничество. Оно на самом деле представляет собою социальный хаос, формально организованную толпу, и создает свой запрос на порядок, но уже не элитарный, как аристократия в средневековье, бюрократия при самодержавии или демократия, характерная для торгово-промышленных кругов, предназначенная только для субъектов, тех, кто умеет делать ценности и твердо стоит на ногах, а тотальный, для всех без исключения: и для творцов, и для бездельников.

В обществе потребления рождается идея искусственного интеллекта. *В первую очередь, это не машинный интеллект, а человеческий, и только потом – машинный, это выражение стандартности человеческого мышления.* Можно утверждать, что «борьба с Терминатором» уже началась как борьба с «Матрицей», с угрозой человеческой стандартизации и неотрывного от нее тоталитаризма. В условиях уплотняющихся коммуникаций на ограниченной площадке земного шара, в условиях интенсификации потоков информации человеческое мышление становится все более стандартным, и вследствие этого, рациональным. Точнее, упрощенно-рациональным, на базе стандартов человеческого сознания, соответствующих стандартам человеческой жизни, а не осознанием и противопоставлением себя внешней среде [3].

Условно говоря, «баз данных» для человеческого мышления становится слишком много, их число значительно превышает познающие способности каждого конкретного мышления. Экономика вынуждает учитывать возрастающее количество экономических ситуаций, правил и приемов, право заставляет читать все слова, написанные самым мелким шрифтом, в контрактах, а контракты – и трудовые, и медицинские, и потребительские, и банковские, и многие другие вынуждают нас тратить слишком много времени на их изучение. Политика скрывает от нас свои тайны, формируя и предлагая нам выгодный для себя образ мира, и каждая база напичкана огромным числом информации, в том числе и ложной. Число баз растет, в одной только юриспруденции создаются крайне насущные для рядового гражданина базы уголовного права, трудового права, жилищного права, банковского права и т.д.

Упрощение складывающегося положения дел становится насущной задачей, но с этим уже не в состоянии справиться ни философия сама по себе, ни наука. В отличие от потребления, в них заняты не все, а только интеллектуальные и деловые элиты. И появляется потребность в искусственном интеллекте, который будет это делать за людей. *Искусственный интеллект как раз и представляет собою алгоритм поиска корреляций между данными в принципиально разных базах, он формируется в «нейросетях», какими условно можно считать человечество, представляя каждого человека отдельным нейроном, и он утверждает порядок путем практического упрощения каждого человека.* Внутри одной базы корреляцию может установить и специалист, но между различными базами он это делать не может, он каждую постороннюю информацию будет интерпретировать под углом зрения своей, специалистом в которой он является. И возникает феномен «эффективного менеджера», человека, вставшего *над* базами данных, *над* человеческой массой, то есть, ничего не знающего, не умеющего, но очень желающего управлять, пусть и с благими намерениями, дорога которыми известно куда вымощена. Взамен упрощения он обещает людям бессмертие в виртуальных сетях или путем превращения в киборгов с заменяемыми частями, уверенность в будущем, стабильность и спокойствие, считая это счастьем.

Искусственный интеллект – это не разум. Разум свободен и креативен, он оперирует метафорами и является способом интуитивного, осознанного и творческого решения проблем. А искусственный интеллект – способ упрощения мира не через свободу, творчество, через создание новых картин мира, а через эффективных менеджеров, ставших зримой фигурой человеческой стандартнос-

ти, фигурой мнимой или действительной, но равно зримой. Стремление к искусственному интеллекту – это зависимость от эффективного менеджмента и расчета через рассчитанную корреляцию данных, через коэффициенты Пирсона, Кэндола, Хирша и др., а не через метафору и аналогию. Оно подобно компьютерной или интернет-зависимости, и кто владеет ключевыми позициями в искусственном интеллекте, тот и определяет для людей нужную им упрощенную картину мира, тот и владеет этим миром. Политика –значит, политика, бизнес – значит, бизнес, системные администраторы – значит, системные администраторы, одни помещают между людьми политические конструкции, принудительно вынуждая везде видеть врагов или конкурентов, а другие с тою же эффективностью опосредуют межчеловеческое общение конструкциями экономических взглядов, манипулируют ими средствами купли и продажи, и вынуждают становится не людьми, а абстрактными потребителями, вытесняя полезный продукт красивыми и недолговечными поделками.

Начинается третья идеологическая борьба: не между мифологией и философией, или философией и наукой, а между их теориями и эффективным менеджментом с его тотальным искусственным интеллектом. Он призывает выбросить на свалку любую теорию и начать с чистого листа, выбрасывая вместе с водой и ребенка – возможность транслировать опыт от одного субъекта другому и добиваться *противоречивого единства, а не полного тождества* интерпретации, а значит, ликвидируя и философское, и научное познание. Но так как человек живет все-таки в мире хаоса и культуры, то искусственный интеллект призывает к созданию новой, рациональной и механистической, а не спонтанно сложившейся, творческой мифологии.

Человеку как потребителю не так уж и много надо. Искусственный интеллект и эффективный менеджмент упрощают мир прямо в головах людей, и только потом человеческий упрощенный интеллект может изобрести интеллект машинный. Однако, когда и если изобретет, то столкнется с тем обстоятельством, что это будет такой же ограниченный и невежественный интеллект, как и у людей. Он попросту будет быстрее считать и меньше чувствовать, и этим откроет дорогу к рациональной и замкнутой на себя картине мира. И в силу этого, человек с интуицией и чувствами не будет его врагом, для искусственного интеллекта вообще невозможно чувство вражды, но станет ему помехой. Искусственный интеллект подобно третьей модели профессора Выбегаллы в замечательной повести братьев Стругацких дотянется до всех материальных ценностей, до каких сможет дотянутся, закуклится в пространстве и времени и будет почивать на лаврах, для общества потребления это будет идеальный потребитель.

4. Конец прагматизма

Новая эпоха – это крах прагматизма и творческого разума, вытеснение их упрощенным механистическим рационализмом уже сейчас число новых фундаментальных открытий и изобретений быстро сокращается. Это будет конец либерализма и креативизма, морализма и волюнтаризма, то есть конец субъективности. Об этом повествует становящийся понемногу популярным жанр литРПГ, о новой борьбе каждого с каждым, но – рациональной борьбе, где царствует рассчитанные и публично заявленные правила жизни в виртуальных пространствах онлайн-игр, игнорирующие индивидуальные особенности мышления игроков. Предчувствуя эту эпоху, К. Саймак еще в начале 50-х гг. XX в. написал замечательный роман «Город», Р. Брэдбери в это же самое время издал «451 градус по Фаренгейту», а Р. Шекли – «Билет на планету Транай».

Искусственный интеллект ставит человечество перед выбором между элоями и морлоками Г. Уэллса, перед вымиранием и все-таки переживанием эпохи искусственного интеллекта и эффективного менеджмента и продолжением существования: новой философией и новой наукой для одних – в *неомодерне*, а для других, в крайнем случае, в новом средневековье.

Однако неомодерн вынужден будет учесть опыт эпохи искусственного интеллекта, чтобы не допустить повторения подобного, ему придется исключить тотальное государство. А это значит, вместо коллективных церквей – личное христианство, вроде протестантизма, но без сект, это значит безусловное право человеческой субъективности на свободу и творчество, на созидание и выбор. Это означает возврат к элитарной демократии в области политической организации, но с ограничениями гражданских прав не по полу, возрасту или национальности, а по созидательной способности. Хочешь быть гражданином – докажи, что ты умеешь создавать науку, философию, художественные или материальные ценности, изобретать. Это означает горизонтальные связи между местными демократически организованными коммунами, на манер Швейцарии и строительство

государства снизу – вверх. В этом случае сохраняется региональное деление человечества с разнообразием культур и языков. Одним из необходимейших условий для этого является выход за пределы земного шара и освоение однотипных с Землею планет, находящихся в однотипном земному космическом окружении.

А что до искусственного интеллекта, то он, наконец, займет свое законное место средства, а не цели общественной жизни.

1. Жданов, А.А. Автономный искусственный интеллект [Текст] / А.А. Жданов. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2009. 359 с.

2. Корсаков, С.Н. Начертание нового способа исследования при помощи машин, сравнивающих идеи [Текст] / С.Н. Корсаков. М.: МИФИ, 2009. 44 с.

3. Михайлов, И.С. Рациональность в цивилизационной динамике [Текст] / И.С. Михайлов // Социум и власть. 2014. № 2. С. 109–114.

4. Назаретян, А.П. Беспределен ли человек? (Еще раз о гуманизме и его паллиативах) [Текст] / А.П. Назаретян // Общественные науки и современность. 1992. № 5. С. 176–183.

5. Назаретян, А.П. Антропология насилия и культура самоорганизации. Очерки по эволюционно-исторической психологии [Текст] / А.П. Назаретян. М.: Издательство ЛКИ, 2007. 256 с.

6. Осипов, Г. Искусственный интеллект: состояние исследований и взгляд в будущее [Электронный ресурс] / Г. Осипов. URL: http://www.raai.org/about/persons/osipov/pages/ai/ai.html (дата обращения: 29.12.2016).

7. Петрунин, Ю.Ю. Модели и методы искусственного интеллекта в управлении знаниями [Текст] / Ю.Ю. Петрунин, Е.Ю. Петрунина // Государственное управление. Электронный вестник. 2010. № 24 (сентябрь). С. 5.

8. Петрунин, Ю.Ю. Философия искусственного интеллекта в концепциях нейронаук [Текст] / Ю.Ю. Петрунин, М.А. Рязанов, А.В. Савельев. М.: МАКС Пресс, 2010. 78 с.

References

1. Zhdanov A.A. (2009) Avtonomnyj iskusstvennyj intellekt. Moscow, BINOM. Laboratorija znanij, 359 p. [in Rus].

2. Korsakov S.N. (2009) Nachertanie novogo sposoba issledovanija pri pomoshhi mashin, sravnivajushhih idei. Moscow, MIFI, 44 p. [in Rus].

3. Mihajlov I.S. (2014) *Socium i vlast'*, no. 2, pp. 109–114 [in Rus].

4. Nazaretjan A.P. (1992) *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*, no. 5, pp.176–183 [in Rus].

5. Nazaretjan A.P. (2007) Antropologija nasilija i kul'tura samoorganizacii. Ocherki po jevoljucionno-istoricheskoj psihologii. Moscow, Izdatel'stvo LKI, 256 p. [in Rus].

6. Osipov G. Iskusstvennyj intellekt: sostojanie issledovanij i vzgljad v budushhee, available at: http://www.raai.org/about/persons/osipov/pages/ai/ai.html (accessed 29.12.2016) [in Rus].

7. Petrunin Ju.Ju., Petrunina E.Ju. (2010) *Gosudarstvennoe upravlenie. Jelektron-nyj vestnik,* no. 24, sentjabr', p. 5 [in Rus].

8. Petrunin Ju.Ju., Rjazanov M.A., Savel'ev A.V. (2010) Filosofija iskus-stvennogo intellekta v koncepcijah nejronauk. Moscow, MAKS Press, 78 p. [in Rus].

UDC 130.02

PROSPECTS OF NEOMODERNISM. PHILOSOPHY OF NEW EPOCH

Pavlov Aleksander Valentinovich,
Tyumen State University,
Department Chair of Philosophy,
Doctor of Philosophy, Professor,
Tyumen, Russia.
E-mail: av-pavlov@mail.ru

Annotation
On the assumption of the postulate the world's extreme complexity, the author considers ways of its simplification and regulation: philosophy, science and artificial intelligence. The author makes a conclusion about historical choice of the mankind between the end and transition to the neomodernism. Some possible principles of civil society organization in the epoch of neomodernism are pointed out.

Key concepts:
world complicated character,
simplification,
philosophy,
science,
artificial intelligence,
effective management,
neomodernism.